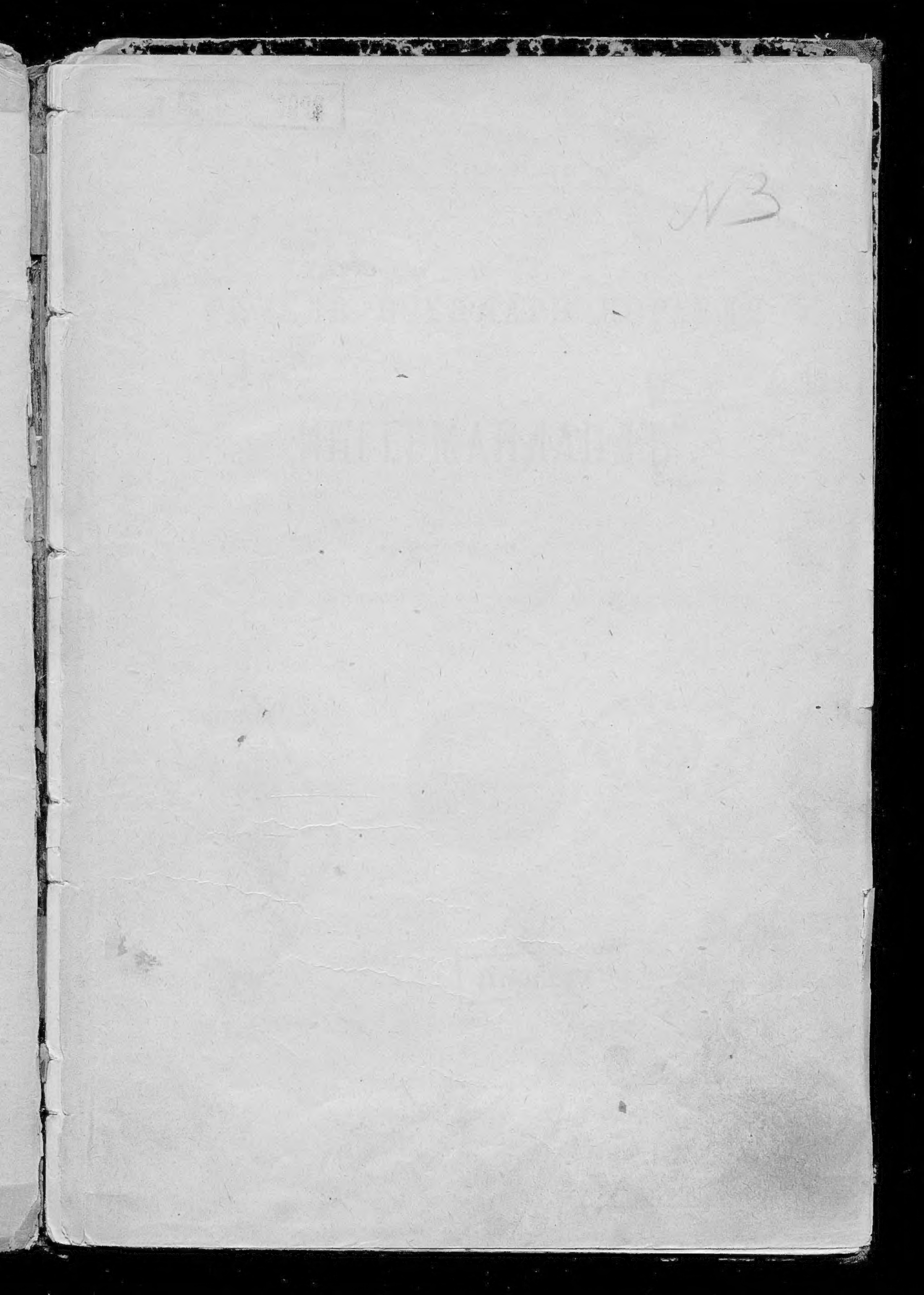
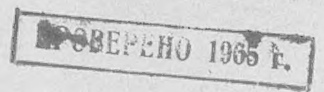

359A83
Б82

N3

Н. А. БОРИСОВЪ.

ГИБЕЛЬ ВОЕННАГО КОРАБЛЯ

„ИНГЕРМАНЛАНДЪ".

Съ 2 рисунками профессора **Л. Ф. Лагоріо**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. Ледерле и К°.
1894.

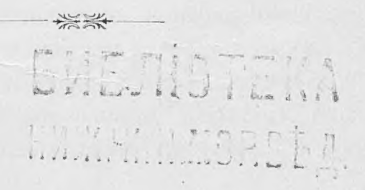
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 октября 1893 г.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, № 18.

Содержаніе предлагаемаго вниманію читателей разсказа извлечено изъ весьма рѣдкой книги «Описаніе крушенія 74-хъ пушечнаго карабля Ингерманланда», написанной очевидцемъ страшнаго событія. Отбросивъ подробности, интересныя для спеціалистовъ—моряковъ, составитель нашелъ возможнымъ, въ формѣ сокращенной, доступной и для неспеціалистовъ морскаго дѣла, воскресить, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, изъ мрака забвенія потрясающія и поучительныя картины, полныя глубоко захватывающаго трагизма.

пущенный весною 1842 года на воду въ предмѣстьи Архангельска — Соломбалѣ военный корабль *Ингерманландъ* и два транспорта *Волга* и *Тверца*, составивъ одинъ отрядъ судовъ, для слѣдованія изъ Архангельска въ Кронштадтъ, снялись съ якоря 24 іюля того же года.

Мѣстные жители, собравшіеся на берегу, провожали родныхъ, друзей и знакомыхъ; желали имъ счастливаго пути. Предполагалось, при благополучныхъ обстоятельствахъ, совершить переходъ до Кронштадта въ три недѣли.

Быстро, подъ всѣми парусами, понеслись суда по волнамъ Бѣлаго моря. Прекрасная погода, позволившая многимъ пассажирамъ оставаться на верхней палубѣ, давала возможность любоваться ходомъ корабля и картиною постепенно удалявшихся береговъ. Четверо сутокъ шелъ Ингерманландъ не менѣе восьми итальянскихъ миль *) въ часъ. Погода вполнѣ благопріятствовала плаванію.

Съ 29-го іюля показанія барометра стали мѣняться, и, наконецъ, онъ упалъ такъ низко, что для безопасности мачтъ, въ случаѣ внезапной бури, пришлось на кораблѣ значительно уменьшить парусность. Моряки толковали колебанія барометра въ свою пользу, но ошиблись. Небо было совершенно чисто, а вѣтеръ, понемногу усиливаясь отъ юго-запада, наконецъ, скрѣпчалъ до того, что у марселей пришлось взять три рифа **). Качка усили-

*) Итальянская миля = $1^{3}/_{4}$ версты.

**) Марсель — второй съ низу парусъ. На кораблѣ бываетъ три марселя; они получаютъ названія отъ мачтъ, на которыхъ распускаются: на передней мачтѣ форъ-марсель, на средней — гротъ-марсель, на задней крюйсель. Взять рифъ значитъ уменьшить площадь паруса. Смотря потому на сколько надо убавить парусъ, берутъ: одинъ, два, три или четыре рифа.

лась. По кораблю протянули веревки, такъ какъ, не придерживаясь за нихъ, нельзя было ходить—до того были стремительны розмахи судна. Но на Ингерманландѣ все еще не теряли надежды, что погода перемѣнится къ лучшему. Утромъ 1-го августа солнце на короткое время выглянуло изъ за облаковъ, а затѣмъ скрылось на нѣсколько дней. Небо сплошь заволокло облаками, начались дожди и густые туманы, часто скрывавшіе отъ Ингерманланда мѣстонахожденіе транспортовъ. Не было возможности готовить горячую пищу. Приходилось довольствоваться сухою провизіею. Двое сутокъ жестоко кидало и трепало корабль. Его потащило бокомъ, а впередъ, вслѣдствіе противнаго вѣтра, онъ едва подвигался пять или шесть итальянскихъ миль въ сутки. Только на третій день позволилъ немного смягчившійся вѣтеръ прибавить парусовъ.

Тридцать дней почти, съ рѣдкими перемѣнами, дулъ все тотъ же юго-западный вѣтеръ. Въ двадцать дней успѣлъ корабль подвинуться отъ мыса Нордъ-Капа впередъ только на двѣсти итальянскихъ миль (350 верстъ), между тѣмъ какъ при попутномъ вѣтрѣ судно можетъ пройти это разстояніе въ однѣ сутки. Такая неудача плаванія заставила командира корабля подумать о могущемъ послѣдовать недостаткѣ прѣсной воды: ее стали выдавать всѣмъ, безъ исключенія, поровну, около двухъ бутылокъ на человѣка въ сутки.

Однообразно, томительно тоскливо тянулось время на Ингерманландѣ. Августа 21-го, противъ всякаго ожиданія, вѣтеръ стихъ. Корабль снова окрылился всевозможными парусами, но вѣтеръ, заигрывая съ разныхъ сторонъ, не надувалъ ихъ, и отъ качки корабля, они только уныло хлопали о мачты. Къ вечеру барометръ вдругъ сильно опустился, и опытный капитанъ приказалъ убавить парусовъ. Вскорѣ образовались на сѣверо-западѣ густыя тучи, и оттуда подулъ вѣтерокъ. Едва только успѣли повернуть корабль по вѣтру, забѣлѣли серебристой пѣной верхушки волнъ, и доносившійся съ сѣвера шумъ возвѣстилъ приближеніе сильнаго порыва вѣтра. Закипѣла работа! снасти забѣгали; все затрещало. Въ одно мгновеніе изорвало нѣсколько парусовъ. Небо потемнѣло; проливной дождь забарабанилъ по палубѣ; голосъ человѣка съ трудомъ могъ перекричать оглушительный вой освирѣпѣвшаго вѣтра. Громадные валы океана съ тяжкимъ стономъ дробились о черные борта корабля, обдавая его бѣлоснѣжной шипучею пѣной. Заревѣла буря. Наступившая ночь придала кар-

тинѣ еще болѣе ужаса. Фосфорическая игра воды океана пугала пассажировъ и матросовъ-новичковъ, никогда не видавшихъ подобнаго зрѣлища: казалось, что огненная масса бѣшенно устремляется на корабль и однимъ ударомъ уничтожитъ все. Корабль летѣлъ по 13 миль въ часъ. Править рулемъ было невозможно. Незагруженный корабль страшно клало на бокъ. По временамъ онъ черпалъ бортами. Положеніе становилось очень опаснымъ. Старые моряки говорили, что ничего подобнаго они не видывали.

Къ полудню 22-го числа немного стихло, но продольная качка была такъ велика, что, стоя на кормѣ лицомъ къ передней мачтѣ, можно было видѣть, какъ носовая часть погружается подъ горизонтъ, и корабль становится почти въ вертикальное положеніе. Волненіемъ сорвало съ корабля всѣ наружныя украшенія. Сильный попутный вѣтеръ какъ будто хотѣлъ вознаградить моряковъ за долготерпѣніе. Благополучно пробѣжали Нѣмецкое море, а 26-го августа, при ровномъ вѣтрѣ, вступили въ Скагерракъ. Надѣялись скоро отдохнуть въ Копенгагенѣ, гдѣ необходимо было запастись прѣсной водой. Многіе уже заготовляли письма на родину, но Провидѣнію угодно было послать ингерманландцамъ еще одно, послѣднее испытаніе и показать, какъ ничтожны всѣ ихъ земные помыслы.

У сѣвернаго берега Ютландскаго полуострова вѣтеръ быстро отошелъ къ востоку, и сдѣлался противнымъ для входа въ Каттегатъ, а темныя ночи еще болѣе затруднили плаваніе корабля. Стояли пасмурные дождливые дни. Въ продолженіи трехъ дней нельзя было сдѣлать астрономическихъ наблюденій и невозможно было опредѣлить мѣста корабля на картѣ, такъ какъ не видать было солнца. Августа 29-го окружили корабль со всѣхъ сторонъ темные смерчи и, какъ предвѣстники чего-то зловѣщаго, преслѣдовали его до самаго вечера. Потомъ всѣ смерчи вдругъ куда-то скрылись, а вѣтеръ задулъ еще съ большей силой.

Наступившая затѣмъ ночь привела съ собой мало утѣшительнаго. Сильные удары волнъ о борта корабля прерывали сонъ утомленныхъ моряковъ. Громадная волна сорвала переднюю часть надводной оконечности судна. Ударъ былъ такъ силенъ, что многіе, въ чемъ были, выскочили на палубу узнать:—что случилось?...

Въ день праздника св. Александра Невскаго, 30-го августа, отслужили на кораблѣ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ офицеры замѣняли пѣвчихъ. Какое-то безотчетное уны-

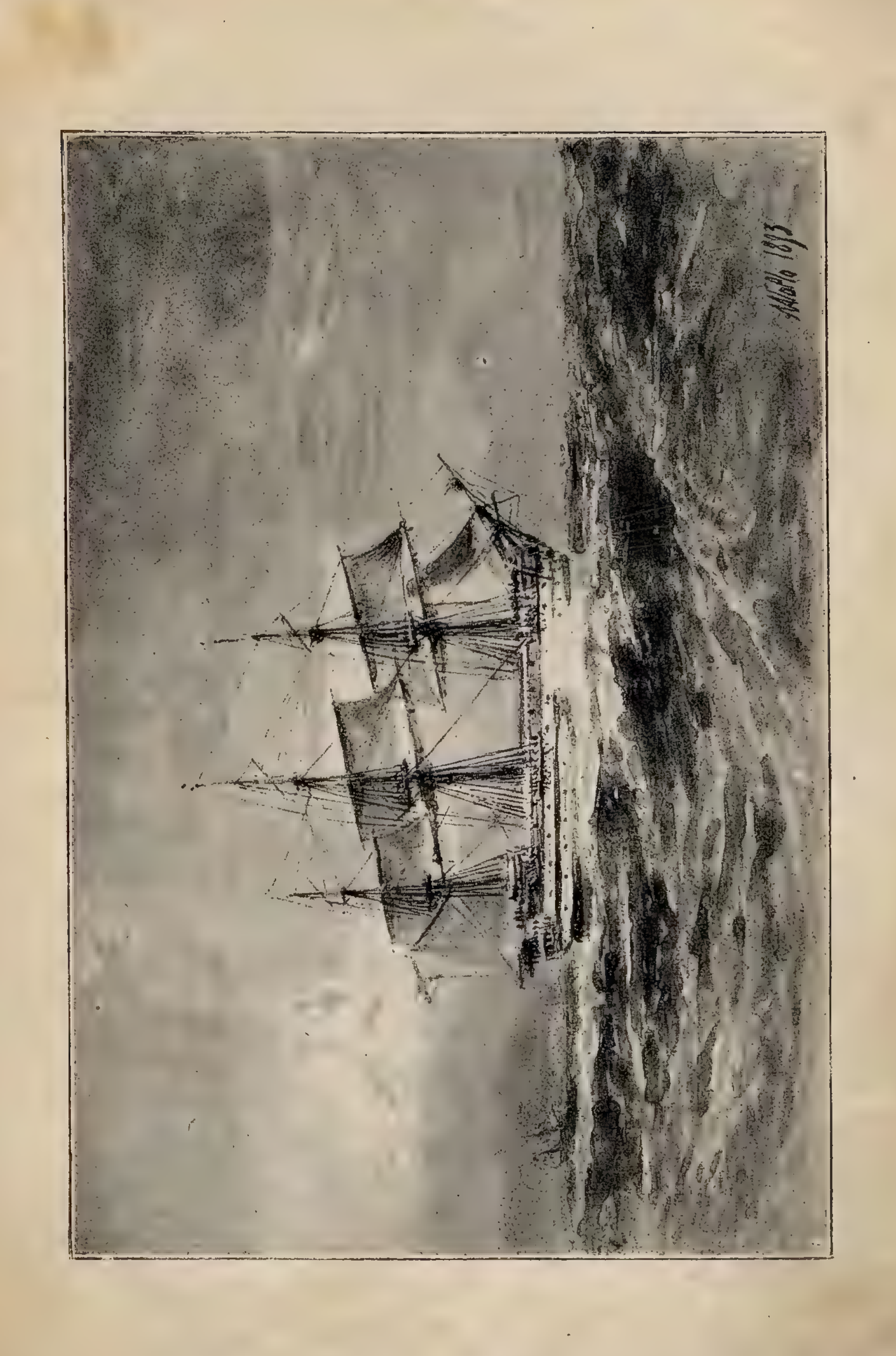
ніе овладѣло всѣми жителями Ингерманланда. На распорядительность и осторожность капитана всѣ вполнѣ полагались. Ни одинъ малѣйшій случай не ускользалъ отъ его вниманія. Днемъ и ночью раздавался на верхней палубѣ его твердый голосъ. Когда онъ отдыхалъ?—никому не было извѣстно. Тѣмъ не менѣе, смутное ожиданіе чего-то недобраго закралось въ сердца его подчиненныхъ, и, къ несчастію, роковому предчувствію суждено было сбыться.

Вечеромъ, часу въ десятомъ, донесли командиру, что въ морѣ видѣнъ огонь. Это обстоятельство никого не смутило, такъ какъ маяка, по счисленію, въ этомъ мѣстѣ моря не должно было быть. Рѣшили, что огонь зажженъ на какомъ-нибудь идущемъ на встрѣчу суднѣ. Вдругъ раздался сильный трескъ и ударъ. Корабль повалился на лѣвый бокъ. На ногахъ невозможно было стоять; все тронулось съ мѣста; вещи попадали. Послѣдовало еще пять или шесть ударовъ въ подводную часть корабля. Встревоженные офицеры и матросы бросились на верхнюю палубу. Въ потемкахъ ничего нельзя было разобрать. Одни говорили, что столкнулись съ судномъ, другіе, что корабль ударился о камень. Чтò въ это время происходило въ нижнемъ офицерскомъ помѣщеніи, трудно себѣ представить! Перегородки, стулья, офицерскія вещи—все смѣшалось. Четыре каюты совершенно разлетѣлись въ дребезги.

Половина команды, которая спала внизу, повскакала изъ коекъ *), и, выбѣжавъ на верхнюю палубу, въ первое мгновеніе металась со страха во всѣ стороны, не понимая въ чемъ дѣло. Но раздавшійся въ эту минуту повелительный голосъ вахтеннаго офицера: «Пошелъ къ помпамъ! Койки убрать!» заставилъ матросовъ опомниться и броситься исполнять приказаніе. Командиръ уже распоряжался. Велѣно было доставать запасные паруса для подведенія подъ пробоину корабля; готовить шлюпки на случай спасанія команды, и вынести денежный сундукъ.

На горизонтѣ, по лѣвую сторону отъ корабля, мерцалъ огонекъ. Измѣрили глубину моря. Глубина оказалась 30 саженъ. Вслѣдъ за тѣмъ отдали одинъ за другимъ два якоря, но корабль не задержало, а черезъ пять минутъ уже нельзя было достать дна. Приступили къ откачиванію воды. Всѣ помпы (насосы) работали

*) Койка—висячая постель.

Ведра, кадки, даже барабаны, были пущены въ дѣло, но пользы было мало, и вскорѣ трюмъ и нижнее офицерское помѣщеніе стали замѣтно наполняться водою. На совѣтѣ капитана съ офицерами рѣшено было корабль направить къ берегу и тамъ поставить его на мель; но выполнить этотъ маневръ оказалось невозможнымъ, ибо руль при первыхъ ударахъ сорвало съ крючьевъ и переломило надвое.

Выше сказано, что отданъ былъ приказъ доставать запасные паруса; но прибывающая вода и разломавшаяся парусная каюта дали возможность вытащить только половину запаснаго гротъ-марселя, да и эту, мѣшавшую командѣ дѣйствовать у насосовъ работу, пришлось совсѣмъ оставить. Видимо было, что корабль неминуемо долженъ идти ко дну. Но на верхней палубѣ все было довольно спокойно. Матросы почти всѣ работали внизу, а на мачтахъ никого не было. Корабль такъ сильно наклонило на лѣвую сторону, что, казалось, скоро его совсѣмъ опрокинетъ. Тогда капитанъ приказалъ срубить среднюю мачту.

Было около полуночи. Едва надрубили навѣтренныя снасти, поддерживавшія мачту, раздался крикъ: «Берегись!» Въ это мгновеніе погасъ блестѣвшій бѣлымъ свѣтомъ фальшфейеръ. *) Настала тьма. Мачта съ страшнымъ трескомъ переломилась, и корабль сталъ нѣсколько прямѣе. Отдали послѣдній якорь, но онъ полетѣлъ въ воду, вытянувъ за собою весь канатъ до его внутренняго конца, прикрѣпленнаго къ корпусу корабля. Ожидали, что якорь задержитъ корабль на мѣстѣ, но онъ повисъ, не доставъ дна. Глубина была такъ велика, что не было средствъ ее измѣрить. Осталась одна надежда поддержать корабль на поверхности моря до разсвѣта. Матросы работали до изнеможенія. Начали выбрасывать пушки, ядра, а такъ какъ корабль все болѣе наклонялся на лѣвую сторону, то стали перетаскивать всевозможныя тяжести на правую сторону. Тогда корабль еще немного выпрямился, но уже сталъ погружаться все глубже и глубже.

Наконецъ рѣшено было пожертвовать передней мачтой, сильно отягощавшей корабль. Срубили и ее. Нельзя было не удивляться хладнокровію и присутствію духа браваго командира. Несмотря на кажущееся спокойствіе, онъ переживалъ страшныя минуты. Ему предстояло изыскать средства спасенія около девятисотъ че-

*) Сигнальный огонь.

ловѣкъ команды и пассажировъ, между которыми были женщины и дѣти. Приказанія его были безъ повтореній, приводились въ исполненіе безотлагательно, безпрекословно и безъ разсужденій.

Блѣдный, мертвенный свѣтъ фальшфейера казался мерцаніемъ погребальнаго факела. Обѣ мачты были срублены такъ счастливо, что паденіемъ своимъ не причинили никакого вреда. Чтобы имѣть понятіе о трудности этого дѣла, довольно сказать, что вышина корабельной мачты отъ воды до вершины около двадцати-пяти саженъ, и она обременена реями (поперечными деревьями, къ которымъ привязаны паруса), изъ которыхъ главная въ 14 саженъ длины.

Между тѣмъ на кораблѣ не теряли надежды на помощь съ берега. Полагали, что пушечная пальба съ корабля обратитъ вниманіе жителей. Сдѣлано было съ краткими промежутками до двухъ сотъ выстрѣловъ, а съ минуты удара о камни до полуночи жгли безпрестанно фальшфейеры. Корабль несло по вѣтру, поворачивая то носомъ, то кормой къ маяку, свѣтъ котораго ошибочно принятъ былъ сначала за огонь судовой. Наконецъ исчезъ и маякъ. Фальшфейеры были всѣ сожжены. Настала грозная непроницаемая тьма, и несчастные ингерманландцы молили Бога сохранить ихъ жизнь хотя бы только до разсвѣта. Многіе вспоминали родныхъ и близкихъ сердцу. Въ одной изъ верхнихъ офицерскихъ каютъ священникъ корабля, о. Василій, причащалъ больныхъ Св. Таинъ. Къ нему входили по одному, и, окончивъ таинство причащенія, каждый оставлялъ каюту, готовый предстать на судъ Всевышняго. Въ общей большой офицерской каютѣ, предъ иконой Св. Николая Чудотворца, собрались женщины съ дѣтьми и грудными младенцами; смиренно возносили они молитвы къ святому заступнику. Но вода подступала все ближе и ближе...

Въ ужасѣ бросились несчастные на верхнюю палубу, въ надеждѣ хотя на нѣсколько мгновеній отсрочить близкую развязку. Ихъ отчаянные, безнадежные вопли леденѣли сердце, раздирали душу моряковъ. Команда съ невообразимымъ самоотверженіемъ работала у помпъ, которыя однако не приносили никакой пользы, ибо вода вливалась въ корабль сквозь щели пушечныхъ портовъ. Напрасно старались ихъ заткнуть—вода шумнымъ каскадомъ полилась въ отверстіе отъ изломаннаго руля. Для выливанія воды не хватало отверстій въ палубахъ; пришлось прорубить послѣд-

нія въ нѣсколькихъ мѣстахъ; но и это мало помогло—выплывавшій изъ палубныхъ выходовъ грузъ совершенно загромождалъ палубу, и мѣшалъ людямъ, стоявшимъ по поясъ въ водѣ, работать ведрами. Тѣмъ не менѣе, матросы выбивались изъ силъ, и никто не роптал.

Офицеры, работавшіе вмѣстѣ съ командой, являли ей достойные примѣры хладнокровія, рѣшительности и мужества. Повиновеніе матросовъ было образцовое. На грозившую имъ смерть они смотрѣли хладнокровно, и съ крикомъ ура готовы были бороться со стихіей до послѣдняго роковаго мгновенія... Старые матросы старались ободрить молодыхъ. Многіе громко молились, но никто не думалъ исключительно о своемъ собственномъ спасеніи. «Вмѣстѣ служили—вмѣстѣ и умремъ», твердили служаки, и никто не оставлялъ работы.

Безпрерывно увеличивавшаяся опасность, какъ будто уже не страшила никого, и работа продолжалась, когда корабль вдругъ страшно задрожалъ. Раздался трескъ. Палубы погнулись, приподнялись на срединѣ... Конецъ всему! Вода быстро прибыла фута на полтора. Громогласное: Господи помилуй! послышалось изъ устъ истомленныхъ моряковъ. Всѣ какъ будто окаменѣли. «Брось все! Пошелъ всѣ на верхъ!» загремѣлъ охрипшій голосъ капитана, и всѣ съ громкимъ ура ринулись въ послѣднюю борьбу со смертью. Алчная стихія, хлынувши въ проломленные борта корабля, жадно схватила нѣсколько первыхъ обреченныхъ жертвъ.

На верхней палубѣ люди садились по шлюпкамъ, но за малой ихъ вмѣстительностью, лѣзли всюду, куда могли. Возвышенная кормовая часть корабля, задняя мачта, носовая часть,—все было загромождено людьми въ нѣсколько минутъ Настало мгновеніе ужасное—неизобразимая тишина, какъ будто наступилъ послѣдній часъ приготовленія къ смерти. Всѣ едва переводили дыханіе. Отецъ Василій, съ крестомъ въ рукахъ, осѣнялъ на всѣ стороны, и молитвы на разныхъ языкахъ неслись къ престолу Божію. Вода страшно забушевала внутри корабля, и онъ сталъ трещать и валиться то на право, то на лѣво... Наконецъ онъ остановился прямо. Вѣтеръ свирѣпствовалъ попрежнему. Вдругъ корабль наклонился на лѣво—вздрогнулъ—мгновеніе, и «онъ погрузится!» думалъ каждый. Все смолкло—наступило торжество религіи—всѣ сняли фуражки. Священникъ, въ истинномъ величіи своего сана, напутствовалъ погибающихъ отходною молитвою въ жизнь вѣч-

ную, и вслѣдъ за тѣмъ шумное ура нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, казалось, хотѣло заглушить вой вѣтра и ревъ буруна, свирѣпствовавшаго внутри корабля.

Волны буруномъ начинали перекатываться черезъ лѣвый бортъ. Каждый держался за что могъ.

«Среди общаго ужаса, разсказываетъ мичманъ Говоровъ, очевидецъ крушенія, — мы ждали слѣдующаго буруна, и онъ не замедлилъ. Ударъ его въ правый бортъ наклонилъ корабль налѣво, и мгновенно огромная волна прокатилась по головамъ погибающихъ. Наполнивши водою барказъ, *) она ударила въ капитанскій катеръ; онъ упалъ на бокъ и разбился. Люди посыпались за бортъ корабля; нѣкоторыхъ волною отбросило къ барказу—въ числѣ ихъ былъ и я. Переведя дыханіе и опомнившись, я очутился на плавающихъ обломкахъ. Подлѣ меня на крупныхъ обломкахъ находились командиръ корабля, его жена, два офицера, и множество матросовъ и ихъ женъ съ младенцами на рукахъ. Страдальческій крикъ малютокъ былъ непродолжителенъ; однихъ матери роняли въ воду, другихъ вырывало волненіемъ изъ рукъ и давило въ общей тѣснотѣ. Раздалось еще ура—и передняя часть корабля, почти до задней мачты, погрузилась въ воду. Только возвышенная кормовая часть была еще на поверхности воды, и всѣ бросились туда. Волны, перекатываясь черезъ корабль, уносили съ каждымъ разомъ по нѣскольку жертвъ. Двѣнадцати-весельный катеръ, полный народомъ, выбросило за бортъ, и грозный Скагерракъ съ шумомъ похоронилъ всѣхъ, бывшихъ на катерѣ, въ своей бездонной могилѣ. Еще хлынула исполинская волна, и люди повсюду разбросаны; вездѣ плаваютъ трупы, или изувѣченные, полуживые страдальцы. Самое черствое сердце содрогнулось бы при видѣ разнообразныхъ смертей. Старшая дочь полковника Борисова, при переходѣ на возвышенную кормовую часть, что удавалось изъ десяти одному, запуталась косою о желѣзный гвоздь, торчавшій изъ разломаннаго барказа; тяжелые обломки били всѣхъ, находившихся подлѣ несчастной Борисовой. Она долго рвалась и кричала, а между тѣмъ за нее схватились другіе погибавшіе. Совершенно избитая, обезображенная, выбившись изъ силъ,

*) Барказъ—самое большое на кораблѣ гребное судно. На «Ингерманландѣ» былъ 20-ти весельный барказъ, длиною 38 футъ, шириною $10^1/_2$ футъ, и кромѣ его было четыре 12-ти и 14-ти весельные катера, восьми весельный ялъ и двѣ гички (самыя узкія быстроходныя шлюпки).

она смолкла, но бездушное тѣло ея долго еще терзалось волнами. Младшая сестра ея, ухватившаяся за уцѣлѣвшія части запаснаго вооруженія корабля, употребляла всѣ усилія удержаться за нихъ, и уже одинъ унтеръ-офицеръ бросился было къ ней на помощь, но поздно—несчастную оторвало и унесло въ море. Помогать другимъ не было возможности. Находившіеся на серединѣ корабля должны были прежде всѣхъ потонуть; но, погрузившись почти до самой задней мачты, корабль остановился. Сначала никто этого не замѣтилъ. Прошло нѣсколько минутъ, а корабль все въ одинаковомъ положеніи, и вдругъ, какъ будто вѣсть надежды, раздался громкій крикъ: «корабль на мели!». Но это было заблужденіе—глубина подъ кораблемъ была ужасная, а его ворочало вѣтромъ и теченіемъ въ разныя стороны, и все-таки онъ не погружался болѣе. Некогда было разсуждать о причинѣ этого страннаго явленія и надобно было имъ пользоваться. Снова мелькнула нѣкоторая надежда. Всѣ бросились на корму, единственное мѣсто, оставшееся незатопленнымъ, но переправа туда ежеминутно становилась труднѣе. Оставалась еще задняя мачта. Путь на нее со средины корабля представляла единственная толстая смоленая веревка бизаньштагъ, которая держитъ заднюю мачту спереди и проведена къ низу средней мачты, на верхней палубѣ. Но уже никто не думалъ о невозможности такой трудной переправы, не смотря на то, что злосчастные ингерманландцы все время стояли по горло въ водѣ, работали съ 10-ти часовъ вечера, были изнурены отъ усталости и истомлены ужасною жаждою, наглотавшись соленой воды. Народъ кучами бросался на бизаньштагъ, и онъ весь былъ унизанъ людьми. Женщины слѣдовали примѣру мужчинъ; но надежда спасенія была тщетная, и немногія изъ нихъ достигали желанной цѣли. Пять или шесть человѣкъ перебрались кое-какъ на крюйсъ-марсъ, небольшую площадку, устроенную на задней мачтѣ. Съ палубы смывало все. Шлюпки уже сорвало съ мѣстъ. Кто могъ, бросалъ съ возвышенной кормовой части бившимся въ водѣ концы веревокъ. Одинъ офицеръ и нѣсколько человѣкъ матросовъ вытаскивали нѣкоторыхъ еще живыхъ, но въ большинствѣ изступленныхъ и потерявшихъ разсудокъ. Жена лейтенанта Сверчкова, выброшенная изъ шлюпки на средину корабля, долго гребла руками, поддерживаясь на какой-то доскѣ, пока огромнымъ обломкомъ не ударило ее по спинѣ, и, облитая кровью, она погрузилась въ общую могилу...

Уже начинало свѣтать. Нѣсколько сотъ человѣкъ разбросано было по горизонту моря. Всевозможные обломки, плавающій грузъ—все было облѣплено людьми. Надъ моремъ высилась одна мачта, и виднѣлась кормовая часть корабля; затѣмъ, отдѣленный отъ нея большимъ пространствомъ воды, торчалъ бушпритъ, наклонная мачта, выставленная впередъ, къ носу корабля. Съ правой стороны корабля видно было много сброшенныхъ въ море матросовъ; разбитый двѣнадцати-весельный катеръ, полный воды, служилъ имъ пристанищемъ. Кто могъ и не терялъ еще памяти, хватался за борта его. Инымъ удалось подняться въ катеръ, но вскорѣ отнесло его далеко отъ корабля, и, затопленный почти по бортъ, съ нѣсколькими людьми, потащило въ море. За кормою корабля въ то же время отвалила капитанская гичка. Легко перескакивая волны, она, казалось, скоро достигнетъ береговъ, но несчастный катеръ всѣ считали непремѣнно погибшимъ. На немъ, какъ оказалось впослѣдствіи, находился и самъ капитанъ Ингерманланда.

Вотъ подробности удивительнаго странствованія бывшихъ на катерѣ. Положеніе ихъ было отчаянное. Сидя по поясъ въ водѣ, пятеро изъ нихъ гребли, а остальные выливали воду. Оторванный руль замѣнили кускомъ весла. Слуга мичмана Аникѣева, находившійся на катерѣ, отъ истомленія и холода, началъ засыпать и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Катеръ тащило теченіемъ въ открытое море. Не имѣя ни одного сухаря, оставшіеся въ живыхъ... не рѣшились бросить трупъ за бортъ... Но Богъ не допустилъ ихъ до такой гибельной крайности... Къ вечеру катеръ прибило къ берегу, подлѣ деревни Крилью, близъ маяка Листеръ. Страдальцы не могли уже сами выйдти на землю. Береговые жители, увидя выброшенную моремъ шлюпку, бросились къ ней, на рукахъ перенесли всѣхъ спасшихся въ свои дома; оказали имъ всевозможное пособіе, послали за врачемъ, похоронили умершаго, и старались, по возможности, облегчить ихъ ужасное положеніе. Избавясь чуднымъ образомъ отъ неизбѣжной смерти, спасенные благословляли Бога и радовались своему возрожденію. Только одинъ изъ нихъ страдалъ, тотъ, кто обязанъ былъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отъ чьего искусства и мужества зависѣла участь нѣсколькихъ сотъ подчиненныхъ ему. Это былъ злосчастный капитанъ Трескинъ, покинувшій свой постъ не по собственной волѣ и въ такую пору

когда онъ былъ уже безполезенъ на немъ. Онъ забылъ о себѣ Всѣ помыслы его обращены были на поданіе помощи оставшимся на кораблѣ. По его вызову по всему берегу поскакали гонцы. Изъ разныхъ портовъ двинулись суда къ бѣдствующимъ, а береговые жители старались, какъ можно скорѣе, оказать помощь погибающимъ.

Между тѣмъ, вотъ что происходило на кораблѣ 31-го августа, на разсвѣтѣ. Берега чуть виднѣлись, и ни одного судна не показывалось на горизонтѣ. Люди начинали коченѣть. Вскорѣ кормовая часть погрузилась до края борта. Волны, перекатываясь черезъ нее, уносили несчастныхъ десятками. На крюйсъ-марсѣ ютилось до пятидесяти человѣкъ. Они лежали другъ на другѣ въ два, въ три ряда, въ мокромъ разодранномъ платьѣ—иные въ однѣхъ рубашкахъ. Усталость клонила многихъ ко сну. Одинъ изъ офицеровъ, въ смертномъ забытьи, свалился внизъ. Каждый ожидалъ той же участи.

Вдругъ на горизонтѣ показалось три судна. Громкое ура раздалось на двухъ еще незатопленныхъ точкахъ: на задней мачтѣ и на бушпритѣ. Видѣть показавшіяся суда могли только обращенные къ нимъ лицомъ. Остальнымъ невозможно было отъ тѣсноты повернуть голову; руки и ноги были какъ въ тискахъ. Но и это страшное положеніе считалось благополучіемъ. Обломки, плававшіе на поверхности моря, были покрыты людьми. Молодой офицеръ, сброшенный волнами за бортъ, взобрался на упавшую въ море срубленную мачту и лежалъ, уцѣпившись за нее коченѣющими руками. Истомленный безпрерывнымъ погруженіемъ въ холодныя волны, онъ недолго былъ въ силахъ вынести свое гибельное положеніе—незамѣтно перешелъ онъ въ жизнь вѣчную. Товарищи столкнули его трупъ въ морскую пучину.

Всѣ уже свыклись съ мыслью о смерти. Но и въ такомъ положеніи, одинъ слухъ о показавшихся судахъ оживилъ каждаго, до кого дошелъ онъ. У каждаго на умѣ и на языкѣ былъ только одинъ вопросъ: идутъ ли они на помощь? Три судна держали прямо къ кораблю и правили къ нему подъ корму. Страдальцы, облѣпившіе бушпритъ, въ носовой части корабля, не могли думать о скоромъ спасеніи, полагая, что подходящія суда снимутъ сначала людей съ кормовой части. На бушпритѣ раздавались крики: «Спасите! Спасите! Къ намъ! Къ намъ! Здѣсь тише, а

тамъ разобьетесь!» Когда суда очутились у самой кормы Ингерманланда, всѣ хотѣли броситься туда, и многіе, рѣшившіеся на то, погибли мгновенно. Съ восьми-весельнаго яла, брошеннаго на обрубокъ передней мачты, сорвало всѣхъ бывшихъ на этой шлюпкѣ. Нѣсколько человѣкъ матросовъ успѣли вскарабкаться опять на нее, но другой валъ перебросилъ ее къ правому борту корабля. Жизнь несчастныхъ висѣла на волоскѣ. Въ отчаяніи, схватившись за попавшіеся имъ какіе-то два шеста и кусокъ доски, они стали ими грести, и шлюпка понеслась.

Между тѣмъ суда приблизились. Всѣ думали, что часъ спасенія насталъ, но вышло иначе. Боясь разбиться о корабль, суда раза три поворачивали, а тѣмъ временемъ люди, плывшіе на восьми-весельномъ ялѣ, старались пристать къ первому судну, но тамъ ихъ не взяли; на второмъ суднѣ также. Только съ послѣдняго судна бросили имъ конецъ веревки; его поймали, и изъ устъ десяти человѣкъ вознеслась первая молитва Всемогущему за спасеніе. Они спаслись, они были счастливы, но вполнѣ-ли? У одного остались на кораблѣ жена и сынъ, у всѣхъ добрые товарищи. Напрасно спасенные умоляютъ оказать помощь и остальнымъ; ихъ не слушаютъ, и суда, поворотивъ опять, прошли почти подъ самой кормой корабля. Тогда всѣ бросились къ самому краю кормы, надѣясь перескочить съ корабля на которое нибудь изъ судовъ. Въ числѣ рѣшившихся на то были два брата. Младшій изъ нихъ бросился въ море, но разстояніе было слишкомъ велико, и море захлеснуло его. Старшему брату не надолго суждено было пережить младшаго—огромная волна пронеслась черезъ кормовую часть и поглотила вмѣстѣ съ нимъ въ одно мгновеніе до двадцати человѣкъ.

Суда продолжали идти одно за другимъ. На Ингерманландѣ все еще думали, что они поворотятъ. Прошло около четверти часа, и страдальцы съ ужасомъ видѣли, что суда идутъ прочь. Снова всѣми овладѣло отчаяніе! Слышны были проклятія; но нѣкоторые, съ надеждою на Бога, угрюмые, блѣдные еще ждали новаго, почти уже невозможнаго спасенія, а между тѣмъ холодъ, жажда и голодъ сильно начали клонить всѣхъ ко сну, предвѣстнику сна вѣчнаго. Многіе, думая согрѣться въ водѣ, становились на палубу, погружаясь въ воду по грудь. Покрываемые безпрестанно набѣгавшими волнами, не имѣя возможности ни на минуту перевести дыханіе, они только изнурялись въ волнующемся покро-

вѣ, гдѣ многимъ изъ нихъ суждено было скрыться на вѣки. Иные, желая потомъ возвратиться на свои мѣста, уже не находили ихъ, ибо малѣйшій уголокъ мѣстечка свободнаго мигомъ замѣщался другими, и ни просьбы, ни угрозы, ничто не помогало. Ссоры были однакожь между немногими. Почти всѣ страшились произнесть лишнее слово. Холодъ давалъ себя знать, и многіе старались кутаться, во что могли: въ остатки парусовъ, уцѣлѣвшіе флаги. Крайность и нужда заставляла прибѣгать къ платью умершихъ. Разрывая его на лоскутья, несчастные дѣлились другъ съ другомъ. Вѣтеръ повидимому сталъ немного стихать, но волны и буруны подымались еще до невѣроятной вышины. Надежда гасла. Подходившіе суда около часа виднѣлись на горизонтѣ, но потомъ скрылись совершенно.

Послѣ удаленія судовъ, на горизонтѣ долго ничего не было видно. Изрѣдка отчаянное ура потрясало воздухъ. Кормовая часть корабля была еще наполовину внѣ воды, но онъ ежеминутно все болѣе погружался, и вскорѣ державшихся на немъ начало срывать за бортъ. Всѣ бросились къ вантамъ (веревочнымъ лѣстницамъ отъ бортовъ къ вершинѣ мачты). На нихъ не осталось вершка свободнаго мѣста. Вскорѣ мачта начала качаться, угрожая переломиться, и паденіемъ своимъ уничтожить людей, загромоздившихъ крюйсъ-марсъ. Всѣхъ томила невыносимая жажда.

Часу въ двѣнадцатомъ показался на горизонтѣ бригъ (двухмачтовый корабль). Несчастные ингерманландцы, уже обманутые одинъ разъ надеждою, не смѣли радоваться. Бригъ быстро приблизился къ кораблю и направился вдоль лѣваго его борта. Раздалось радостное ура, и страдальцы мысленно уже благословляли своихъ спасителей, но бригъ повернулъ и сталъ отходить дальше и дальше...

Когда бригъ съ его безчеловѣчнымъ капитаномъ сталъ скрываться изъ виду, отдѣлилась отъ борта корабля срубленная еще при началѣ крушенія средняя мачта. Пятнадцать матросовъ и одинъ офицеръ держались на ней. Имъ предстояло или утонуть, или умереть съ голоду. Двое матросовъ уже заснули. Быстро понесло мачту отъ корабля по вѣтру, и волны ежеминутно покрывали несчастныхъ. Часа два или три они были еще видны и, наконецъ, скрылись въ широкомъ просторѣ бурливаго моря...

Остававшіеся на кораблѣ лишены были надежды на спасеніе. Все чаще повторялось у р а, но то былъ не радостный крикъ, а послѣдніе стоны томимыхъ смертью людей. Палуба кормовой части начинала разваливаться. Вся оставшаяся задняя мачта была унизана людьми. Скрѣпчавшій къ вечеру вѣтеръ увеличилъ безнадежность страдальцевъ. Багровое зарево на горизонтѣ предвѣщало бурю. Тучи, носясь надъ моремъ, скоплялись на западѣ. Ночь скоро скрыла берега. На остаткахъ лѣваго борта корабля, на пространствѣ не болѣе двухъ саженъ, столпилось человѣкъ до сорока. Въ числѣ ихъ была и жена капитана. Положеніе ея было мучительное: въ одномъ изорванномъ платьѣ, съ непокрытою головою, съ избитыми руками и ногами, съ обагреннымъ кровью лицомъ, пять разъ смываемая волнами, она долго должна была выдерживать невыносимыя истязанія. Но, среди общаго бѣдствія, ея страданія не производили сильнаго впечатлѣнія. Общая участь поставила всѣхъ въ безчувственную безнадежность, заставляя забывать различіе пола, возраста и званія. Одна несчастная мать, не выпуская изъ рукъ своего ребенка, безпрестанно молилась за него — молилась только о спасеніи своего младенца. Ребенокъ пробылъ уже двое сутокъ безъ пищи и питья, въ одной тонкой рубашенкѣ. Два раза падалъ онъ изъ рукъ матери въ бурунъ, и былъ вытаскиваемъ матросами, но хлеставшія волны ежеминутно почти заставляли ребенка захлебываться. И молитва матери исполнилась! Ребенокъ остался живъ.

Другая мать, выбившись изъ силъ, уронила своего малютку за бортъ. Младенецъ началъ биться рученками, и долго держался на водѣ, приводя всѣхъ въ изумленіе — онъ какъ-будто ждалъ кого-то. Черезъ нѣсколько мгновеній сбросило буруномъ въ море его отца и мать. Обезсиленные, они недолго держались, схватясь другъ за друга, и черезъ минуту оба погрузились. За ними исчезло въ волнахъ и дитя ихъ. Вотъ кого ждалъ младенецъ, вотъ съ кѣмъ хотѣлъ онъ соединиться въ будущей жизни.

У нѣкоторыхъ страдальцевъ помрачался разсудокъ. Многіе громко читали молитвы. Команда съ высокимъ самоотверженіемъ исполняла свой долгъ. Болѣе половины ея были новобранцы, но безъ малѣйшаго ропота переносили они всѣ бѣдствія и до самой невозможности исполняли приказанія начальниковъ. Многіе изъ нихъ съ самымъ трогательнымъ усердіемъ, доходившимъ до самозабвенія, старались помочь офицерамъ.

Ночь быстро приближалась. Солнце скрылось. Съ какимъ чувствомъ провожали погибающіе послѣдніе его лучи глазами, и сколькимъ страдальцамъ суждено было видѣть его въ послѣдній разъ! Быть можетъ, къ утру отъ Ингерманланда и его бравой команды останутся одни только обломки и трупы...

У нѣкоторыхъ сильно стало разыгрываться воображеніе. Инымъ казалось, что они сидятъ на совершенно покойныхъ мѣстахъ — имъ видѣлись очаровательныя картины, мечтались сады, рощи, комнаты. Потомъ вдругъ мерещились имъ громъ, трескъ, море, камни. Два офицера были такъ разстроены, что раза три собирались пробраться на возвышенную кормовую часть, увѣряя всѣхъ, что на срединѣ корабля одинъ изъ нихъ видитъ множество камней, а другой сады, по которымъ можно легко туда перебраться. Все это говорили они такъ хладнокровно, что можно было подумать, будто они въ полной памяти. Но почти безжизненные взоры ихъ выражали противное, а впалыя щеки и блѣдныя лица наводили невольный ужасъ. Если бы не удерживали ихъ нѣкоторые изъ матросовъ, они пустились бы въ свой несомнѣнно гибельный путь, и конечно, съ первымъ шагомъ оба непремѣнно были-бы поглощены волнами.

Многіе умирали скорѣе, нежели можно было ожидать, и было нѣсколько примѣровъ, что люди крѣпкаго сложенія умерли прежде слабыхъ и даже больныхъ. Когда, около полуночи, корабль все болѣе и болѣе сталъ погружаться въ воду; больные, кто могъ, вышли; другіе выползли изъ судового лазарета. Одинъ изъ нихъ, выбившись изъ силъ, не могъ идти. «Господи помилуй! Умирать все равно!» сказалъ онъ; съ великимъ усиліемъ взлѣзъ на пушку, обхватилъ ее руками, и безъ малѣйшихъ страданій закрылъ глаза навѣки.

Отецъ Василій, безъ рясы, обернувшись въ кусокъ парусины, съ дарохранительницею на шеѣ, 31 августа находился еще на кормѣ, но кончины его никто не видалъ. Вѣроятно, его унесло волненіемъ.

Въ ночь на 1-е сентября корма стала отдѣляться отъ корпуса корабля. Разсвѣтъ дня показалъ страшную убыль людей. Съ кормы ночью смывало волненіемъ, а съ бушприта падали мертвые, засыпая отъ холода.

Яркое солнце, освѣтившее печальную картину, утромъ 1 сентября, оживило благодатными своими лучами и пригрѣло не-

счастныхъ, а стихавшій постепенно вѣтеръ доставилъ имъ возможность нѣсколько отдохнуть, но оставшіеся въ живыхъ съ какимъ-то безчувствіемъ смотрѣли на умиравшихъ. Часу въ 12-мъ утра показались на горизонтѣ мачта, потомъ парусъ и, наконецъ, корпусъ небольшого тендера (одномачтоваго судна). На кораблѣ поднялся какой-то неопредѣленный стонъ, но ура уже не кричали. Всѣ съ полной надеждой на спасеніе твердили молитвы. «Слава Тебѣ Господи! Насъ спасутъ!» слышно было въ толпѣ изможденныхъ страдальцевъ. Солнце стояло уже высоко, когда тендеръ поравнялся съ лѣвымъ бортомъ корабля. Пять человѣкъ матросовъ, крохотная шлюпка на палубѣ, да бравый шкиперъ— вотъ всѣ спасательныя средства маленькаго суденышка.

Первое, что обрадовало погибающихъ, было то, что съ тендера отвѣчали на ихъ мольбы и махали платками, хотя на немъ еще не видать было никакихъ распоряженій. Люди тамъ стояли спокойно у бортовъ, внимательно всматриваясь въ мѣсто бѣдствія. Одинъ рулевой, повидимому, былъ занятъ дѣломъ. Подойдя къ кормѣ Ингерманланда, тендеръ вдругъ принялъ иной видъ. Не было уже видно ни одного человѣка у его бортовъ — каждый былъ занятъ. Четыре человѣка сбросили шлюпку на воду. Бросаясь затѣмъ сами въ шлюпку, они, казалось, уже не думали о себѣ, а все вниманіе обратили на спасеніе погибающихъ.

Двое уже въ шлюпкѣ; имъ поданъ конецъ съ тендера; шлюпка гребетъ къ кормѣ корабля, гдѣ столпилось множество народа. Сѣдой шкиперъ тендера угрюмо грозитъ топоромъ. Онъ боится, что шлюпка его погибнетъ при первомъ приближеніи къ кораблю, если народъ всей массой бросится въ нее безъ осторожности. Но никто не бросался. Всѣ ждали пока, по требованію сидящихъ въ шлюпкѣ, подали съ корабля конецъ веревки. Шлюпка съ концомъ веревки возвращается къ тендеру. Гребцы выскочили изъ нея, оставивъ ее привязанною двумя концами въ видѣ парома. Съ корабля ее тянутъ. Началась перевозка людей. Сажали въ шлюпку по десяти человѣкъ; съ тендера тотчасъ подтягивали ихъ, и, по приближеніи, поднимали измученныхъ по одному на бортъ тендера. Что чувствовали страдальцы, вступая на палубу благодѣтельнаго суденышка? Какъ благодарили они Бога? Чѣмъ могли они отблагодарить добраго шкипера? Старикъ ничего не требовалъ. Одно только пожатіе руки было ему достаточнымъ знакомъ благодарности.

Перевозка продолжалась медленно. Нѣкоторые хотѣли подойти къ шкиперу поблагодарить его, но силы ихъ оставляли, и они падали на палубу. На глазахъ старика блистали навернувшіяся слезы. Подлѣ него сидѣлъ товарищъ его съ мѣшкомъ сухарей. Каждому человѣку, прибывшему на тендеръ, протягивала его рука кусочикъ чернаго сухаря. Нѣкоторые брали сухарь, сами не зная для чего, ибо ѣсть ничего не могли. Пить хотѣлось всѣмъ нестерпимо. Стали просить воды, но каждому давали только по одному глотку. Опытность стараго шкипера много содѣйствовала облегченію страданій несчастныхъ, ингерманландцевъ. Имъ не давали заснуть. Они толкали другъ друга, удерживаясь тѣмъ отъ сна—неминуемой смерти. Всѣ понимали заботливыя попеченія своихъ спасителей, и хотя съ большимъ трудомъ, но исполняли ихъ совѣты и даже строгія приказанія. Каждому давали по полурюмкѣ водки. Выпить ее было ужасное мученіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и необходимо, ибо она замѣтно согрѣвала. Два глотка воды весьма мало успокоивали мучительную жажду, но полное ея удовлетвореніе причинило бы величайшій вредъ. Мокрое бѣлье и платье замѣнить было нечѣмъ, и оно просыхало на плечахъ злополучныхъ моряковъ. Быстрое, неожиданное назначеніе тендера идти къ погибщему кораблю, не дало возможности сдѣлать нужныя распоряженія, а между тѣмъ каждая минута была дорога.

Въ полночь на 1-ое сентября тендеръ вышелъ изъ города Мандаля, и, не зная, гдѣ находится бѣдствующій корабль, правилъ наудачу. На встрѣчу ему попались два небольшихъ судна, съ которыхъ старому шкиперу передали, что погибающій корабль они видѣли, но подать ему помощь, вслѣдствіе сильнаго вѣтра и громаднаго волненія,—они не могли.

Въ 10 часовъ утра съ тендера усмотрѣли на горизонтѣ мачту. Вдругъ одинъ изъ матросовъ тендера примѣтилъ на этой мачтѣ клочья разорваннаго флага. Затѣмъ показался и бушпритъ. И мачта, и бушпритъ, остававшійся надъ водой, были загромождены бѣдствующими.

Перевозка людей на тендеръ продолжалась три часа. Всего снято было съ корабля 170 человѣкъ. Къ полудню подоспѣла шхуна (двухмачтовое судно), которая также занялась спасеніемъ погибавшихъ. Не имѣя, по недостатку мѣста на тендерѣ, возможности забрать болѣе людей, шкиперъ предоставилъ шхунѣ спасать остальныхъ несчастныхъ, тѣмъ болѣе, что на горизонтѣ

показался пароходъ, и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отправился къ Мандалю. Спасенныхъ помѣстили подъ палубой. Тѣснота и испаренія отъ мокрой одежды производили усыпленіе и головную боль, и потому измученныхъ страдальцевъ безпрестанно выводили по нѣскольку человѣкъ на палубу, гдѣ, однако, оставаться долго также запрещалось. Шкиперъ и его команда роздали имъ все свое платье, поили ихъ отвратительнѣйшей теплой водкой, но она облегчала боль въ горлѣ, послѣ чего страждущіе могли глотать по нѣскольку крошекъ чернаго сухаря, необходимыхъ для поддержанія жизни. Двое сутокъ пробыли ингерманландцы безъ пищи и питья. Наступившая вечеромъ хорошая погода и стихавшій вѣтеръ позволили шкиперу выпустить ингерманландцевъ на верхъ, и допустить ихъ оставаться на воздухѣ долѣе положеннаго срока. Кто былъ въ силахъ, помогалъ другимъ, совершенно потерявшимъ силы. Офицеровъ выносили матросы. Слабый вѣтеръ, какъ будто нарочно, медленно разлучалъ несчастныхъ мореплавателей съ остатками Ингерманланда. Мачта его еще виднѣлась на горизонтѣ.

Желаніе скорѣе достигнуть берега обнаружилось на лицахъ спасшихся. Наступавшая ночь страшила ихъ неизвѣстностью. Къ вечеру вѣтеръ совсѣмъ стихъ, тендеръ едва подвигался впередъ.

Наступила прелестная ночь. Ни одинъ порывъ вѣтра не потревожилъ измученныхъ моряковъ до самаго утра. Ихъ мертвенная блѣдность увеличивалась. Сонъ не имѣлъ на нихъ благодѣтельнаго дѣйствія, ибо, кому удавалось вздремнуть нѣсколько минутъ, тотъ бредилъ и, вздрагивая, пробуждался. Малѣйшій стукъ, или ударъ производили во всемъ тѣлѣ болѣзненное потрясеніе.

Утромъ слѣдующаго дня легкій попутный вѣтеръ замѣтно подвигалъ тендеръ къ цѣли плаванія. По разнымъ направленіямъ встрѣчались небольшія суда. Вдали показались красноватые граниты Норвегіи. Черезъ нѣсколько времени радость засіяла на всѣхъ лицахъ людей, бывшихъ на тендерѣ. Обогнувъ одну изъ высокихъ скалъ, они вошли въ шхеры. На берегу рисовалось множество бѣлыхъ домиковъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ. Маленькій церковный шпицъ виднѣлся сверху горы. Темный цвѣтъ окрестныхъ возвышенностей составлялъ противоположность бѣлымъ, какъ снѣгъ, домамъ, съ ихъ красными крышами.

Набережная городка была усѣяна зрителями, собравшимися не изъ одного любопытства. Они скоро выказали свое великоду-

ніе. Высота скалъ отнимала вѣтеръ у тендера, и онъ почти совсѣмъ заштилѣлъ. Тогда понеслись къ нему шлюпки съ предложеніемъ взять его на буксиръ. Первымъ присталъ къ тендеру агентъ русскаго консула вмѣстѣ съ почетными лицами города. На второй шлюпкѣ, къ общей невыразимой радости, пріѣхалъ боцманъ погибшаго Ингерманланда. Всѣ бросились къ товарищу сбѣдствія съ распросами, какъ ему удалось спастись, и что сталось со многими другими, оставшимися на кораблѣ. На вопросъ: живъ ли капитанъ? боцманъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта. Одно было извѣстно, что остатки злосчастной команды разбросаны по всему берегу. Но вотъ уже близка набережная. Тендеръ не успѣлъ еще пристать къ ней, какъ на берегу загремѣло радостное у р а. Прибывшіе на тендерѣ собрали послѣднія силы и воздухъ огласился хриплыми, слабыми, замирающими голосами. Черезъ нѣсколько минутъ тендеръ присталъ къ набережной, и сто семьдесятъ человѣкъ, послѣ тяжкаго испытанія, послѣ отчаянной борьбы съ бурной стихіей, вступили на землю въ полдень, 2-го сентября.

Почти на рукахъ несли многихъ съ тендера. Для перваго пріема отвели ближайшій домъ на набережной. Платье и бѣлье кучами несли съ разныхъ сторонъ. Офицеровъ помѣстили въ гостиницу. Матросовъ раздѣлили по обывателямъ. Къ больнымъ пригласили врача. Женщинамъ отвели особую квартиру. Женѣ капитана назначили особую комнату. Вскорѣ возвратилась шхуна. На ней привезли тѣхъ, которые не могли быть взяты на тендеръ за недостаткомъ мѣста.

На другой день пріѣхалъ въ Мандаль мѣстный вице-губернаторъ. Отъ него узнали ингерманландцы, что самъ онъ ходилъ на пароходѣ изъ Христіанзанда къ погибшему кораблю, и снялъ съ него до полутора-ста человѣкъ, изъ которыхъ двое умерло на пути къ берегу.

Рѣшено было послать въ Христіанзандъ двухъ офицеровъ къ спасенной командѣ. Они отправились 3-го сентября. Имъ предписана была особенная заботливость о здоровіи команды и ея временной обмундировкѣ. Неизвѣстность, гдѣ находится командиръ корабля, тревожила ингерманландцевъ. Приближавшійся день отхода почты въ Россію еще болѣе заставлялъ ихъ о томъ безпокоиться. Они просили вице-губернатора разослать увѣдомленія, что команда съ разбившагося русскаго корабля въ Ман-

далѣ и Христіанзандѣ, а общимъ сборнымъ пунктомъ назначили Христіанзандъ. Мичману Говорову поручено было вмѣстѣ съ капитаномъ норвежскаго парохода объѣхать прибрежные города, такъ какъ, въ одномъ изъ нихъ, находился спасенный командиръ съ офицеромъ и десятью человѣками матросовъ. Утромъ 4-го числа выѣхали г. Говоровъ и норвежскій капитанъ на двухъ одноколкахъ.

Очаровательные виды норвежскихъ скалъ, гористая дорога, расположенная мѣстами подъ страшными оврагами, прекрасная погода—мало развлекали молодого офицера, ибо слабое здоровье и память о только-что выстраданномъ бѣдствіи преодолѣвали всякія другія ощущенія. Съ мрачными мыслями ѣхалъ онъ, почти не замѣчая, что вечеръ уже заволакивалъ мглою подножіе горъ. Поднявшись на вершину одной изъ нихъ, путники встрѣтили два экипажа. Въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ мужчина, въ синемъ, байковомъ сюртукѣ. Это былъ тотъ, кого назначено было отыскивать. Болѣзненное, похудѣвшее лицо измѣнило его до неузнаваемости.

Черезъ минуту всѣ они уже мчались въ Мандаль. Первою обязанчостью г. Говорова было изложить командиру цѣль его поѣздки, донести о числѣ спасшихся, и обо всемъ, что было извѣстно о кораблѣ. Но капитанъ уже зналъ почти всѣ подробности, и хотя былъ боленъ, но спѣшилъ соединиться со своею командою. Незамѣтно прошло нѣсколько часовъ пути, и одноколки остановились у подъѣзда Мандальской гостиницы, гдѣ радостныя слезы жены и товарищей бѣдствія встрѣтили заслуженнаго моряка.

Предполагалось команду изъ Мандаля перевести въ Христіанзандъ, гдѣ все было дешевле, и удобнѣе можно было размѣститься. Ожидали только необходимаго запаса платья, безъ котораго не было возможности выступить. Разстроенное здоровье команды требовало отдыха и леченія. По распоряженію вице-консула были отправлены къ погибшему кораблю пароходъ изъ Христіанзанда и два купеческія судна для снятія съ него, если будетъ возможно, нѣкоторыхъ вещей; но 6-го числа суда эти возвратились съ извѣстіемъ, что видѣли на поверхности моря только мачту, а корпусъ корабля исчезъ безслѣдно...

Къ 7-му числу ингерманландцы окончили всѣ дѣла въ норвежскомъ городкѣ, провѣрили спасенныя въ желѣзномъ сундукѣ казенныя деньги, и простились съ добрыми мандальцами, а вечеромъ того же дня вступили въ Христіанзандъ. Толпы лю-

бопытныхъ провожали русскихъ по улицамъ. Всю команду помѣстили въ одномъ домѣ. Офицерамъ предоставили занять комнаты въ лучшихъ гостиницахъ.

На другой день почетные жители пріѣзжали навѣстить командира и офицеровъ. Каждый изъ нихъ старался быть чѣмъ-нибудь полезнымъ и всячески усердствовалъ помочь несчастному положенію русскихъ моряковъ.

Нетерпѣливо ожидали ингерманландцы отвѣта изъ Россіи. Приближавшаяся зима заставляла ихъ спѣшить возвращеніемъ въ отечество, тѣмъ болѣе, что въ Христіанзандѣ стояло купеческое судно, назначенное къ отправленію въ Выборгъ. Этимъ удобнымъ случаемъ воспользовался русскій консулъ, и нанялъ его для перевозки остатковъ команды, но помѣстить ее всю на купеческомъ суднѣ не хватало мѣста, а другое судно добыть было затруднительно. Рѣшено было ожидать приказаній изъ Россіи. Вдругъ, къ общему радостному удивленію, 10-го сентября прибылъ транспортъ Тверца. Разлучившись съ Ингермандандомъ 21-го августа, онъ благополучно добрался до Готенбурга, чтобы пополнить недостатокъ прѣсной воды; узналъ тамъ о случившемся несчастіи, и немедленно отправился въ Христіанзандъ для поданія помощи спасенной командѣ Ингерманланда.

Между тѣмъ, на купеческомъ суднѣ распорядились устроить надъ палубой досчатый навѣсъ, сложили кирпичную печь, и въ десять дней окончательно приготовились къ предстоявшему плаванію. На транспортъ Тверцу назначили 8 офицеровъ и 200 человѣкъ команды. Командиръ Ингерманланда съ остальными офицерами и командой должны были отправиться на купеческомъ суднѣ. Въ одинъ день съ транспортомъ пришелъ норвежскій пароходъ, и привезъ еще пять человѣкъ спасенныхъ, въ числѣ которыхъ находилась одна женщина. Это были тѣ, которые бѣдствовали на гичкѣ: изъ 12-ти человѣкъ семеро погибло во время плаванія. Опасно больныхъ положено было оставить въ Норвегіи до выздоровленія.

Съ разсвѣтомъ 17-го сентября злополучные мореплаватели оставили Христіанзандъ, и съ попутнымъ вѣтромъ опять понеслись по волнамъ Скагеррака. Когда подошли къ острову Готланду, постепенно усиливавшійся вѣтеръ сдѣлался противнымъ. Транспортъ сильно качало. Бурно встрѣтили русскихъ моряковъ волны Финскаго залива. Порывомъ вѣтра рвало снасти и паруса

Транспортъ черпалъ бортами. Нѣсколько дней сряду выходы изъ палубы, кромѣ одного, были закрыты и заколочены. Опасныя мѣста Рижскаго залива, куда вѣтромъ прижимало транспортъ, пугали ингерманландцевъ. Мрачныя мысли невольно заглушали всѣ ихъ надежды. Наконецъ, къ вечеру 1-го октября, вѣтеръ задулъ попутный, и транспортъ полетѣлъ мимо знакомыхъ портовъ. Балтійскій Портъ и Ревель незамѣтно промелькнули, и уже вечерѣло, когда изъ подъ горизонта выдвинулся величественный, мрачный Гогландъ.

Почти весь день, 3-го октября, провели моряки на верхней палубѣ. Чѣмъ ближе подвигались они къ Кронштадту, тѣмъ сильнѣе возростало въ нихъ желаніе скорѣе увидѣть его. Уже открылась Красная Горка, показался Толбухинъ маякъ, а черезъ часъ заблистали, сквозь безчисленныя верхушки мачтъ, кресты Кронштадтскихъ церквей. Ясно обозначились всѣ береговые предметы, и транспортъ Тверца семью выстрѣлами возвѣстилъ Кронштадту объ окончаніи долгаго тяжкаго плаванія. День былъ субботній. Раздавался благовѣстъ всенощной. Въ $7^1/_2$ часовъ вечера, 3-го октября, бросилъ транспортъ якорь на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ. Черезъ два часа пришло и купеческое судно, нанятое въ Христіанзандѣ.

Такъ кончилось семидесятидвухъ-дневное странствованіе русскихъ моряковъ. Изъ 892-хъ человѣкъ команды и пассажировъ, находившихся на Ингерманландѣ, при отплытіи изъ Архангельска, прибыло въ Кронштадтъ 503; — остальныхъ же 389 человѣкъ поглотили бурныя волны Скагеррака.

